

Я ПЛЫЛ в Манилы из Каменского на слаутинской самоходной барже, управляемой Николаем Алиным. Стояла тихая, по-материковски жаркая погода. На правом высоком берегу Пенжины-реки то и дело попадались белоствольные березы и высокие, каких не найдешь в олюторской тундре, кедррачи.

Несколько лет назад я добирался в Манилы тоже по этим местам. Только тогда стояла 45-градусная зима. Сегодня же все мы, пассажиры самоходки, радовались теплу, удивлялись, глядя на пышную зеленую речного берега. А я вспомнил Манилы такими, какими видел тогда, после тряского путешествия на тракторе.

Трактор после речной глади попал на какой-то ледяной массив, постоянно наталкивался на глыбы, и то вставал на дыбы, то наклонялся на бок. Это был участок устья, куда с осени забились льдины и остались здесь, скованные длинной зимой. Потом начался опять гладкая дорога вдоль берегов небольшой речушки, притока Пенжины. И вот прямо у речушки домики — темные, небольшие, с толстыми и дранковыми жиденькими крышами. Как было странно смотреть вот на эти домики, поставленные из не очень ровного леса-кругляка, кубики с двухскатным ограждением от дождей, с чердаками, открытыми снегам и всем ветрам. В стае домишек выделялись размерами и большей площадью окон — детсад и клуб. На самом берегу речушки стучал электродвижок, тут же стояло несколько тракторов и автомашин. «Это старые Манилы, а вам надо вон туда — на горку. Там — правление колхоза, квартира председателя», — сказал тракторист.

В адской морозной синеве раннего утра я пошел вверх искать предколхоза М. А. Новикова и попал на улицу новых домов, введенных в строй, может быть, в этом, а может быть, в прошлом году, домов, понастоящему добротных, из привезенного бруса, досок и столярки.

Прожил я тогда в Манилах несколько суток. Мне с гордостью показывали типовую школу, новый магазин, хвалились, что через год-другой будет в селе и новая больница. Тогда я познакомился со многими интересными людьми, приезжими и старожилами самого северного района Камчатки: ветврачом украинцем С. К. Трофимчуком, речником русским М. С. Смоляниным, у которого местные жители научились огородничеству, а главное — с коряком Сергеем Ивановичем Аккетом, человеком интересной судьбы. Это он, С. И. Аккет, первый в округе бригадир строительной бригады, сколоченной им из таких же, как он, местных людей, строил новую улицу, у которой уже было имя первооткрывателя космоса Гагарина. Строил, двигая новыми домами к центру, навстречу второй бригаде, где были приезжие умельцы из средне-русской полосы, Белоруссии и Украины.

Бригады дружили, кое чему учились друг у друга, соревновались, и все это помогало им скорее и лучше делать общее и важное дело. И тогда я узнал от Сергея Ивановича, что Манилы — вовсе не старое село: появилось оно у устья Пенжины в послевоенные годы и нарекли село именем старого охотника и рыболова Майнылы, чья единственная землянка стояла на берегу мелкой, каменистой и удивительно чистой речки задолго до того, как появиться здесь первому дому. И в доказательство тому, что охотник Майнылы — не плод досужего вымысла, а личность реальная, Сергей Иванович назвал село на западном берегу Охотского моря, где живет и здравствует одна из дочерей Майнылы.

Мы любовались белоствольными березами. Механик баржи уроженец Мания Григорий Етувье принес чайник, и мы прямо на палубе в жаркой тишине пили чай. Потом вдруг почувствовали свежий ветер. И чем ближе «Северянка» приближалась к устью, тем сильнее становился ветер, и вскоре мы убежали в рубку, потому что мутные волны застучали в скулу баржи, и брызги сделали палубу мокрой. А впереди уже виднелись высокие трубы, очевидно, котелен, а за ними на возвышении — несколько огромных емкостей для горючего. Я внимательно посмотрел на Алину, он сказал: «Они, Манилы». И у меня, наверное, в ту минуту был дурашливый вид, потому что я ожидал увидеть все, что угодно, но не такие внушительные издали детали индустриального пейзажа. С тех пор, как я был в Манилах, здесь сосредоточили свое хозяйство кооператоры, геологи, обслуживающие геологов и оленеводов, вертолетчики. А колхозные строители наделали таких чудес, что я растерялся, спускаясь с пригорка от колхозной конторы. В селе осталась без изменения единственно знакомая мне деталь — роща удивительно рослых ив у речушки Манилки. Улица, поразившая меня добротными домами в прошлый приезд, сейчас уже ничем не привлекала внимания, потому что ниже до самой Манилки появились новые улицы домов, более добротных. Рядом с ними зеленели аккуратные квадраты огородов и неред-

ко — индивидуальные теплички с огурцами и помидорами.

В центре села красовался белый и огромный, как айсберг, с колоннами Дом культуры. Секретарь парткома В. Ефимкин провел меня в этот айсберг. Широкое фойе с искусно выполненными панно, посвященными труду и дружбе народов, красоте и богатству Севера. Зрительный зал на 200 мест. Сцена в бархате. Широкий экран. Спортивный зал, самый большой и хорошо оборудованный из всех, какие приходились мне видеть на севере области. В противоположном от спортивного зала крыле — библиотека с читальным залом.

Потом Ефимкин показал бетонное здание электростанции для пяти двигателей общей мощностью на три тысячи киловатт. Потом — тоже бетонное здание мастерской, где в двух цехах работает большая группа

постигая премудрости, нового для сына тундры ремесла. Бескорыстная дружба этих двух людей — яркая характеристика частицы большой человеческой дружбы, могучей силы, которая создавала и поднимала колхоз, превратила его в то, что он есть сегодня. А сегодня — он махинуша, с основными средствами в 10 млн. 700 тысяч рублей. На мощных океанских судах колхоз добывает рыбу. Владеет 14 тысячами оленей. Я как-то услышал от умного, расчетливого хозяина Новикова: «Не зависимо от сложившейся ситуации на море колхоз всегда будет иметь что-то за счет оленеводства». Предколхоза сказал так не потому, что он недооценивает значение моря для рыболовецкого колхоза, а потому, что понимает значение оленеводства для национального колхоза. Здесь не было и нет проблемы молодых кадров пастухов. Манильские ребята с удовольствием идут работать в тундру. Сегодня в звеньях насчитывается 15 пастухов рождения 1948—1955 годов. Народ грамотный, с широким кругозором, интересами, у каждого за плечами среднее или восьмилетнее образование. Многие учились в Паланском сельскохозяйственном училище.

Кстати, рост уровня образования людей — характерное явление для всех участков колхозного производства. Всего пять лет назад дипломированных специалистов с высшим и средним образованием здесь было 33, сегодня — в двести раз больше. Среди специалистов много людей местных. Это и воспитатели интерната, учителя Пинку и Иклавол, фельдшеры Хоянто, Юлтыгина, Авзелхут, Илюшкина и Дмитриева, бухгалтер Кеккет, заведующий сберкассой Тканенко. Многие дети местных колхозников учатся в высших учебных заведениях.

В Каменском, на сцене районного Дома культуры, я видел национальный танец в исполнении Нины Такат. Какое мастерство! Трудно сказать, кто танцует лучше — известная на Камчатке Людмила Вагальнаут из Олюторского села Хаилина или стройная, легкая, как пушинка, манильская Нина Такат. Нина закончила хореографическое отделение культпросветшколы в Биробиджане и работает балетмейстером в Доме культуры родного села. Я разговаривал с ней, она смеялась: «Манильцы умеют танцевать. Победитель на всесоюзном конкурсе исполнителей балльных танцев Сергей Кевестегин — манильский. Теперь я знаю, что отличные шаржи на популярных киноартистов в журнале «Советский экран» выполнил концертмейстер Манильского ДК, выпускник Ленинградского института культуры Миша Гайдуров. Воистину, Манилы — село талантов.

Так вот, об образовании. И в бригаде С. И. Аккета уровень образования стал совсем другим. Но об этом я узнал уже в гостях у знаменитого в округе строителя. Сергей Иванович сам читает чертежи, сам делает разбивку. Этому он учился долго и трудно. Сейчас у него в бригаде много молодежи. Например, Миша Эвельхут и Миша Кетикко закончили специальные курсы в Палане. Бригадир гордится молодежью, но и не меньше — старой строительной гвардией, теми, кто взял в руки плотницкий инструмент в одно время с Сергеем Ивановичем. Например, Федор Мевесса, Иван Тулли.

Мы сидели, пили чай, я смотрел на коренастого, широкоплечего Сергея Ивановича и удивлялся его стойкому сопротивлению годам: в глазах — молодой блеск, черные, как воронье крыло, волосы. Вся семья была в сборе. Супруга Елизавета Татиновна, сыновья — Николай, отслуживший в армии и работающий сейчас сельским монтером, десятиклассник Михаил, девятиклассник Андрей.

Сыновья — ребята степенные, и в отца, неразговорчивые. Чувствуется, отец готовит их к жизни, готовит познать радость труда, ту, что всю жизнь знал сам.

Потом мы гуляли по селу, по улицам, где много сотворено руками этого сильного человека. Вышли к речке, и тут я спросил его, где стояла землянка Майнылы. «Не помню», — ответил он. Двинулись к роще, миновали подвесной мост, поднялись на склон сопки, откуда видно село, как на ладони. С Пенжины дул ветер. Мы смотрели на село. Аккет улыбнулся, как улыбаются счастливые люди.

А. ПАНКРАТОВ,
наш спец. корр.

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

СЧАСТЬЕ АККЕТА

Из блокнота журналиста

мастериц: шьют меховую одежду, изготавливают сувениры; механическую прачечную и баню; белое, подцинковой крышей, будто перенесенное за Манилку с нарядного сельскохозяйственного плаката. здание молочнотоварной фермы. Потом — инкубатор.

Мы заглядывали в окошко камеры, видели тысячи яиц, из которых вот-вот проклюнутся цыплята. Затем вошли в еще не готовое колхозное сооружение. Новый птичник. Сооружение — будь здоров. Если отсюда убрать колонны, здание вполне можно использовать в качестве зимнего стадиона.

С левого берега Манилки возвращались в село по висячему мосту. Внизу билась о камни, играя на солнце, речка. Ивы, развеса над речкой ветки, стояли стайкой, как будто ждали, когда речка остановится и можно поглядеться в нее, как в зеркало. На краю ивовой рощи, самого спокойного и живописного в селе уголка, — больница с рентгенустановкой, лабораторией, зубным кабинетом. Через окна можно увидеть белый кафель стен. Под ивами столик, скамейки. Вот и сейчас тут кто-то сидит в белом халате с книжкой в руках. И тут я спросил Виктора о Сергее Ивановиче Аккете и услышал ответ: «Патриарх манильских строителей по-прежнему в строю. Орден Трудового Красного Знамени получил».

Парторг готовил серьезную беседу об освобождении Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев, подбирая материал. Времени до юбилея осталось не так уж много, и он торопился. Он направился в партком, мне же не терпелось встретиться Аккетом, посмотреть на него.

Я нашел его занятым делом. Бригада ставила стропила на трех свежих срубах двухквартирных домов. Время для разговора не подходящее, и мы сговорились с Сергеем Ивановичем встретиться вечером.

Мы с Аккетом почти ровесники, но обстоятельства сложились так, что в Отечественную воевать ему не пришлось, был на трудовом фронте. Тогда, в военные годы, он и начал свою строительную биографию, а до того, как обтесать первое бревно и положить его на стену, в 50-градусный мороз готовил лес на реке Белой, притоке Пенжины. Бревно за бревном отвозывали люди у сугробов, на оленьих нартах вытягивали к речному берегу. А как только Белая и Пенжина очищались от тяжелого льда — сплав, требующий особой сноровки и опыта. Работал под началом украинца А. Самоненко, под его же руководством учился владеть плотницким топором. Те дома с жидкими крышами и чердаками, открытыми всем ветрам, рубил и он, Аккет — сын охотника. Рубил не здесь, а на берегу Пенжины, в нескольких километрах выше. Место для поселения оказалось там неудобным, и дома перенесли к Манилке. Видно, не глуп был старик Майнылы, коль обосновался у речки с чистой, как слеза, водой.

Перед тем, как создать бригаду, долго работал Аккет с Самоненко,